

1 тыс. до н. э. обладало влияние культуры чавин, а с середины I тыс. до н. э. стали ощущать связь с Альтиплано¹⁷. В Центральных горах Перу вне влияния чавина остался район, занятый высокогорной пуной¹⁸.

Вопрос о том, почему влияние культуры чавин проникло в одни районы и обошло другие, затрагивался многими перуанистами. Сейчас ясно, что это не было сопряжено с успехами или неудачами военных походов: чавину могли соответствовать небольшие протогосударства — вождества¹⁹, но не единое политическое объединение. Все основные сельскохозяйственные культуры (кукуруза, фасоль, тыква, маниок) были известны в Перу задолго до эпохи чавина, поэтому распространение специфического для чавина религиозного культа и соответствующего стиля искусства нет оснований связывать с распространением каких-либо хозяйственных новшеств. С нашей точки зрения, наличие чавиноидной культурной общности можно объяснить тем, что ей соответствовала группа родственных этносов, граница распространения которых в свою очередь определялась разными экологическими условиями на северо-западе и юго-востоке Центральных Анд.

Раскопки начала и середины нашего века дали возможность увидеть в общих чертах, как менялась культура древнего Перу во времени. Археологические и этнографические исследования последних лет впервые позволяют ощутить значительную пространственную неоднородность Центральноандской культурно-исторической области. Эта область была ареной взаимодействия различных центров, среди которых север побережья и Альтиплано на юге являлись, очевидно, важнейшими.

Ю. Е. Березкин

¹⁷ О культурах Альтиплано в I тыс. до н. э. и их связях с южным побережьем см., в частности: *Jorge Chavez S., Mohr Chavez K. L. A Carved Stela from Taraco, Puno, Peru, and the Definition of an Early Style of Stone Sculpture from the Altiplano of Peru and Bolivia.* — *Nawpa-Pacha*. 1976, № 13, p. 46—84.

¹⁸ *Browman D. L. Trade patterns in Central Highlands of Peru in the First millennium B. C.* — *World Archaeology*, 1975, v. 6, № 3, p. 322—329.

¹⁹ *Pozorski T. The Early Horizon Site of Huaca de los Reyes: Societal Implications.* — *American Antiquity*, 1980, v. 45, № 1, p. 100—110; *ibid.* — ЧЧ, с. 249—250.

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

Библиографический указатель по славянскому и общему языкознанию. Никита Ильич Толстой. Самарканд: Изд-во Самарканд. ун-та, 1983. 111 с.

Рецензируемая книга — персональная библиография-обзор. Она насчитывает 205 названий работ ученого с аннотациями, над которыми трудились 27 составителей, содержит указатель терминов, имен, языков, встречающихся в работах Н. И. Толстого, список основных рецензий на его труды. Это новый жанр, ибо до сих пор более распространенными были аннотированные библиографии по отраслям наук, библиографии, так сказать, безличные. И именно потому, что настоящий выпуск серии библиографических указателей по славянскому и общему языкознанию, как пишут авторы, является первым, можно задать вопрос, относящийся к целому жанру: что же дает такая библиография? Читая эту книгу, убеждаешься — очень многое.

Читатель — лингвист, историк, этнограф, интересующийся славистикой, найдет здесь по ряду проблем вполне достаточную информацию, позволяющую ориентироваться в выборе соответствующих работ для внимательного прочтения. Библиография работ Н. И. Толстого дает, по существу, сведения о состоянии славистики на сегодняшний день.

Однако поскольку эта библиография персональная, она в своеобразной форме представляет творческий путь ученого, связывая все (или почти все) работы, в том числе напечатанные в редких, труднодоступных изданиях, в единую хронологическую цепь. Персональная библиография имеет свои достоинства по сравнению с очерком о деятельности ученого. В очерке мы сталкиваемся с определенной точкой зрения пишущего на личность и творчество исследователя и только через эту призму постигаем содержание его научной деятельности. Библиография может быть неполной; в аннотациях работ составитель волен расставлять акценты так, как считает нужным (нам представляется, что теоретический смысл семаснологических работ Н. И. Толстого, например № 29 и 48, мог бы быть сформулирован более четко), тем не менее это наиболее беспристрастная, объективная информация, позволяющая читателю самому делать оценки. Правда, в рецензируемой книге присутствует и очерк: собственно библиографическое описание предваряется обстоятельным вступлением, в котором В. М. Мокиенко с большой теплотой рисует портрет Н. И. Толстого — ученого, педагога, организатора науки.

Рассматриваемый указатель интересен не только филологу или этнографу, но и науковеду, благодаря содержащемуся в нем ценному материалу по основным проблемам, занимающим сегодня философию науки: преемственности и традиции в развитии научного знания, диапазон интересов ученого, складывания научных школ и коллекти-

вов. Научковед найдет здесь яркий образец кумулятивного развития науки, соединении традиционности в лучшем смысле этого слова — как осознанного принятия результатов, принципов и норм исследований классиков языкознания — с самыми современными научными подходами. Заметим, что более 20 работ Н. И. Толстого (в том числе некрологи) посвящены рассмотрению творческого пути ученых прошлого и настоящего — И. И. Срезневского, И. А. Бодуэна де Куртенэ, А. А. Потебни, Д. К. Зеленина, Н. С. Трубецкого, К. Мошинского, В. В. Виноградова и др. «Новое — хорошо забытое старое», — любит повторять Н. И. Толстой, и в этом — дань его глубокого уважения к предшественникам в науке.

Поражает широта научных интересов Н. И. Толстого — и в диахронном и синхронном срезе его творчества. От «Кратких и полных прилагательных в старославянском языке» в 1954 г. до «Первого грома в Полесье» в 1982 г.; в 1978 г. одновременно выходят работы, посвященные первой палатализации задненёбных согласных и славянским языческим обрядам; в 1979 г. Н. И. Толстой пишет о фонологической функции долготы в горскополянском говоре и — совместно с С. М. Толстой — о жанре «обмираний» в Полесье.

В настоящее время Н. И. Толстой — признанный глава славянской этнолингвистики, и путь ученого в эту область в большой степени отражает процесс складывания молодой науки.

Как пишет Н. И. Толстой в одной из своих последних работ, этнолингвистику можно понимать в широком и суженном смысле слова. «В широком смысле слова этнолингвистика включает в себя диалектологию, язык фольклора и часть истории языка, связанную с исторической диалектологией и культурной и этнической историей народа; наконец, почти все аспекты изучения языка как социального явления»¹. «Этнолингвистика в специальном и суженном понимании является той отраслью языкознания, которая ставит и решает проблемы языка и этноса, языка и культуры, языка и народного менталитета, языка и мифологии и т. д.»². Н. И. Толстой определяет здесь этнолингвистику экстенционально — через совокупность научных областей, на которых она строится, и интенционально — через совокупность проблем, которые она призвана решать³. Обратившись к трудам ученого, увидим, что на протяжении всей своей деятельности Н. И. Толстой занимался именно теми областями, на скрещении которых сложилась современная этнолингвистика, и лингвистической проблематикой, естественным образом приведшей к постановке и решению ряда существенных этнолингвистических вопросов.

Прежде всего это диалектология, органически связанная в своих истоках с этнографией, разошедшаяся с ней в процессе «возмужания» и выработки собственных методов и сегодня вновь с ней объединяющаяся в предмете, методике и ходе полевых исследований. В работах, посвященных диалектологии, Н. И. Толстой неизменно подчеркивает необходимость учета экстралингвистических факторов; этнографические среди них — важнейшие. Он успешно применил возникший в диалектологии лингвогеографический метод изоглосс к исследованию и описанию духовной народной культуры: в 1960 г. он печатает анкету с вопросами общеславянского лингвистического атласа, а через 20 лет делает доклад об атласе духовной культуры Полесья (№ 16 и 142).

Другая важнейшая область исследования — история языка, теснейшим образом связанная с диалектологией. Интерес к проблемам славянской письменности (ср., например, № 33)⁴, образования и развития славянских литературных языков (№ 14, 18, 27 и др.) всегда был сопряжен у Н. И. Толстого с пристальным вниманием к проблемам культуры. Работы по реконструкции праславянского языкового состояния естественным образом привели к постановке проблемы этногенеза славян, в исследовании которого, как пишет Н. И. Толстой, «лингвистика является лопатой для историка». И вновь, уже в применении к элементам духовной культуры, Н. И. Толстой говорит о реконструкции (№ 124).

С каждым годом в научном творчестве Н. И. Толстого растет доля исследований, связанных с этнолингвистической проблематикой. В этом смысле показательно отношение к давнему объекту исследования — региону Полесья: начав с чисто лингвистического его изучения (экспедиции 60-х годов), Н. И. Толстой пришел к идее этнолингвистического исследования Полесья как заповедника славянской архаической культуры, чему и была посвящена организованная им конференция⁵.

Как известно, при характеристике научной дисциплины и ее теоретического аппарата важно указать как ее объекты, так и методы. Н. И. Толстому при чрезвычайно внимательном и бережном отношении к фактам — языковым и культурным — свойствен постоянный интерес к методам анализа, к используемым в описаниях понятиям. Для исследований Н. И. Толстого в области народной культуры характерно сочетание трех методов: сравнительно-исторического, типологического и структурного (семиотиче-

¹ Толстой Н. И. Некоторые проблемы и перспективы славянской и общей этнолингвистики. — Изв. АН СССР, 1982, т. 41, с. 398 (в сносках приводятся работы, вышедшие в свет уже после опубликования «Библиографического указателя»).

² Там же, с. 399.

³ Толстой Н. И. О предмете этнолингвистики и ее роли в изучении языка и этноса. — В кн.: Ареальные исследования в этнографии. Язык и этнос. Л.: Наука, 1983.

⁴ См. также: Толстой Н. И. Древняя славянская письменность и становление этнического самосознания у славян. — В кн.: Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М.: Наука, 1982.

⁵ Полесье и этногенез славян. Предварительные материалы и тезисы конференции. М., 1983.

ского). Структура обряда как соединение трех разных кодов: вербального, реального и акционального — становится предметом семиотического рассмотрения; его реконструкция проводится с помощью сравнительно-исторического метода, а типологическое описание позволяет обнаружить параллели в разных культурах (см., например, № 94, 124, 127, 152, 154).

Особо нужно остановиться на семантических методах исследования в работах Н. И. Толстого. Интерес к семантике всегда выводит лингвиста за пределы чистой лингвистики. Глубокое описание языковых факторов методом семантического поля с выделением семантических дифференциальных признаков, проведенное на материале славянской географической лексики и теоретически обоснованное в работах № 29, 48, 57, 61, 80 и др., явилось образцом для описания других элементов духовной культуры. Для представления же результатов семантического исследования элементов духовной культуры может быть использована классическая лингвистическая форма — словарь. Описанию семантической структуры словаря духовной культуры Полесья был посвящен доклад Н. И. и С. М. Толстых на IX Международном съезде славистов в Киеве в 1983 г.⁶

Терминология для Н. И. Толстого — это прежде всего оформленность научных понятий, являющихся инструментами описания. Именно поэтому введение новых, трансформация и уточнение старых, перенос понятий из одной области в другую — все это становится в работах Н. И. Толстого предметом специального рассмотрения. Как отмечает ученый, возможность использования одинаковых понятий и методов исследования в лингвистике и этнографических науках определяется тем, что язык является составной частью культуры и что на языковые и культурные феномены можно смотреть как на семиотические, описываемые при помощи одного и того же логического аппарата (№ 135)⁷. Лингвистика и семиотика выступают по отношению к гуманитарным наукам как эталоны наук, исследующих знаковые системы в синхронии и диахронии и снабжают эти науки соответствующим языком. Важно, однако, чтобы заимствованное понятие не было чистой метафорой, в которую затем будет вложено другое содержание. Для этого нужно структурное подобие предметов исследования. Именно из структурного подобия предметов исходит Н. И. Толстой, когда рассматривает синонимию в обряде, представленном как текст, или когда предлагает ввести в описание явлений культуры понятие нормы или пракультуры (по аналогии с праязыком). В связи с этим безусловный интерес представляет указатель терминов, включенный в «Библиографию». Он содержит 134 термина с указанием номеров работ, где они встречаются. Правда, неясно, по какому принципу отбирались термины. Скорее всего по принципу их значимости и употребительности в работах, независимо от того, введен ли термин самим Н. И. Толстым (например, *амплитуда колебания лексем*) или является общепринятым (*семантическое поле, сема*). Однако неужели термин *этнолингвистика* встречается только в одной статье (см. с. 97)?

Библиография кончается описанием работ, вышедших в первой половине 1982 г. С тех пор издано еще несколько работ Н. И. Толстого и книг, написанных с его участием, которые показывают результаты и перспективы возглавляемого им направления. Выше мы указывали некоторые из них. Здесь я упомяну только одну книгу — «Полесский этнолингвистический сборник», содержащий уникальный материал, собранный и структурированный в соответствии с детальной этнолингвистической программой, разработанной Н. И. Толстым и его учениками. Значение этой публикации трудно переоценить. Она обогащает не только славистику, не говоря уже о том, что, ориентированная на Полесье, опубликованная программа прекрасно «работает» на русском Севере, Урале, Сибири. Лингвисты, этнографы, фольклористы — специалисты по разным языковым культурам найдут в этом сборнике изложение четкой и эффективной методики исследования народной культуры⁸.

Мы попытались показать, что персональная библиография — жанр безусловно полезный во многих отношениях. Будем надеяться, что, удачно начатый, он будет достойно продолжен.

С. Е. Никитина

⁶ Толстые Н. И. и С. М. Принципы, задачи и возможности составления этнолингвистического словаря славянских древностей. — В кн.: IX Международный съезд славистов. Славянское языкознание. М., 1983.

⁷ См. также: Толстой Н. И. Диалектология в этнолингвистической перспективе. — В кн.: Системные отношения в лексике севернорусских говоров. Вологда, 1982.

⁸ Полесский этнолингвистический сборник. Материалы и исследования. М.: Наука, 1983.

Р. С. Липец. Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М.: Наука, 1984, 262 с.

Книга Р. С. Липец продолжает серию ее работ, посвященных анализу реалий эпического текста, охватывающих как главные образы, так и предметы материальной культуры. Тема эта уже породила огромную литературу, различную и по характеру подхода к ее изучению, и по качеству исполнения. Привлекательной особенностью рецензируемой книги является то обстоятельство, что ее автор, будучи высокоэрудиро-